Наша Русь

Алексей Виноградов

Русская тайна

Откуда пришёл князь Рюрик?

Алексей Евгеньевич Виноградов

Русская тайна. Откуда пришел князь Рюрик?

Серия «Наша Русь»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6058447
Русская тайна. Откуда пришел князь Рюрик? /Алексей Виноградов .: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0274-9

Аннотация

Когда-то все европейские народы были родственниками, происходившими от общего предка – загадочных ариев. Однако до сих пор ученые затрудняются однозначно определить, откуда появились эти древние племена: из восточных степей, из лесов Восточной Европы или со стороны северных морей. После того как потомки индоевропейцев разделились, на историческую арену вышли славяне, охватив своим расселением половину Европы. Как это произошло? Что означает название «славяне», до сих пор дающее почву для предположений от самых лестных до самых обидных? Кто такие русы и кто их ближайшие родственники? Наконец, кем был князь Рюрик – легендарный основатель государства Российского? На столь непростые вопросы историки не могут ответить не одно столетие.

Но трудности дают стимул для развития науки, и историческая правда постепенно выходит из тени веков. Хотя многие русские тайны еще остаются.

Содержание

Предисловие 5
Часть I 7
Связь времен 7
Древняя Европа 32
Флора и фауна: что окружало наших предков 61
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Алексей Виноградов Русская тайна. Откуда пришел князь Рюрик?

Предисловие

Одно из легендарных определений России, приписываемое Уинстону Черчиллю, звучит так: «Это загадка, завернутая в тайну внутри головоломки».

Неизвестно, произносил ли когда-нибудь ее на самом деле знаменитый британский политик. Но факт ее тысячекратной цитируемости на всех мировых языках отражает интерес к ментальности, культуре и поведенческим чертам создавшего Россию народа, которые остаются для остального мира «вещью в себе». Матрешка – этот экспортный символ страны – как нельзя лучше иллюстрирует и определение Черчилля, и взгляд извне на Россию, в которой одна тайна прячется внутри другой.

Символично, но такой же тройной пласт загадки кроется в истории русских. Воистину, мы такой непростой народ, что даже если у других – начало истории, а у нас не одно, а несколько начал. Когда-то в дали веков наши предки, кажется, принадлежали к общему индоевропейскому роду. Но

кто были эти индоевропейцы, или арии, – единый народ со своим языком, верованиями и обычаями или просто соседние полузнакомые и полупонятные друг другу племена? И откуда появились они – из степей востока, гор юга или лесов севера?

Если арии – дальние наши прародители, то славянский этноязыковый массив – ближний предшественник. Но когда он вышел из тьмы веков в свет истории и откуда происходит его имя, дающее порой почву для предположений от самых лестных до самых обидных?

Наконец, что означает этноним «Русь», какой народ наш ближайший этнонимический родственник и кто были по языку основатели Русского государства?

Непростые вопросы, судя по тому, что отгадку на них ищут уже не одно столетие. Но разгадать их необходимо, иначе мы останемся такой же «матрешкой» не только для окружающих, но и для себя тоже.

Часть I
Пришедшие с севера. К проблеме индоевропейской прародины

Связь времен

Теплой тропической зимой в кабинет судебного чиновника английской колонии Бенгалии доставили покрытое сургучом и пятнами брызг двух океанов письмо. Не ручаясь за абсолютную точность, можно предположить, что оно было примерно следующего содержания.

«Лондон, 18 июля 1789 года
Сэру Уильяму В. Джонсу,
Верховному королевскому судье Бенгалии
Калькутта

Дорогой сэр Уильям!

В минуты, когда я пишу эти письмо, очередной корабль Ост-Индской компании готовится к долгому путешествию вокруг Африки. Спустя месяцы, преодолев зной и штормы, шхуна «Минерва» доставит вместе с прочим грузом этот листок в благословенную Калькутту.

Если «Минерву» не опередит какое-нибудь более быстроходное судно, то очевидно, вы первый узнаете из этого письма скорбные вести. Бог лишил разума французов; на днях обезумевшая толпа галлов громила Бастилию. Стражи порядка растерзаны, преступники на свободе, Париж объят пожарами и грабежами. Испуганный Людовик прячется в Версале и не знает, как смирить анархию, поощряемую заправилами Генеральных Штатов. До сих пор хаос прикрывался именем короля, которому инсургенты поют осанну, но кто знает, не сменят ли они ее завтра на анафему.

Прискорбные дела по ту сторону Ла-Манша лишний раз показывают разницу между галлами и британцами. Конечно, плебс Ист-Энда ничем не лучше черни из Тампля; несколько бочек эля и дюжина бойких агитаторов – и наши оборванцы пойдут громить Тауэр (Боже упаси). Но рядового обывателя, на благоразумии которого и держится любая нация, рядового британского обывателя гораздо труднее сбить с толку и увлечь преступным словоблудием. В нем гораздо более рассудительности, уважения к вере, закону и собственности, чем в лавочниках и артизанах Монмартра. Это уже не говоря про нашу аристократию, сочетающую в себе несокрушимую силу духа, верность традициям и долгу. Вероятно, поэтому именно британцы овладели такой жемчужиной, как Индия, отодвинув жеманных и погрязших в пороках французов. Но если мы так отличаемся от соседей, с коими нас роднит история если не с Цезаря, то с Вильгельма Завоевателя точно,

то что говорить о далеких обитателях берегов Ганга и Брахмапутры?

В связи с этим Ваши очерки о брахманах и их священном языке меня несколько удивляют и смущают. Наивные экзерсисы дю Пейрона, представившего Зороастра как косноязычного тупицу, а «Авесту», как набор банальностей, слегка отбили у просвещенной публики интерес к мудрости Востока. До сих пор Персия и Индия кажутся нам экзотическими плодами неземного сада; Вы же доказываете, что корни растений сего Эдема суть общие с европейскими. То, что языки, на которых творили Платон и Вергилий, имеют отдаленные черты сходства, отмечалось давно. Не случайно и мифы греков и латинян изобилуют плагиатом друг у друга, да и боги их различаются разве что именами. Но их сходство еще можно объяснить обоюдными завоеваниями и частыми торговыми сношениями.

Однако чтобы сохраненный жрецами санскрит оказался молочным братом латыни и наречия эллинов, это кажется невероятным. От Бомбея до Рима и сейчас, когда суда стали быстроходнее, расстояние кажется далеким, в стародавние времена оно было вовсе громадным. Когда великий Александр дошел до индусских пределов, ему казалось, что он стоит на краю вселенной. Кстати, уже тогда македоняне не заметили, что на этом краю говорят на похожем с ними языке. Значит, (полагаете Вы, я так не думаю), пути этих языков разошлись гораздо раньше. Хотя нынешний просвещен-

ный век полагает за достоинство сомневаться в достоверности Священного Писания, Ваши наблюдения подтверждают рассказ о вавилонском столпотворении. Действительно, к утверждению истины Божьей мы идем порой неисповедимыми путями.

Не примите высказанные сомнения в Ваших выводах близко к сердцу. Уверен, что Ваши очерки, представленные в виде доклада, вызовут живейший интерес среди членов Королевской академии. Я уже передал оттиски некоторым из них и получил самые лестные отзывы. В любом случае познание духовных богатств Индии способствует усвоению и прочих ее сокровищ, которые украсят корону его величества короля Георга и усилят мощь империи.

Я заканчиваю, поскольку неотложные дела по Академии призывают меня быть кратким. Желаю вам и под жарким южным небом не терять бодрости, присущей истинному британцу.

Остаюсь искренне Ваш *Уильям Дж. Холбрук,*
секретарь Академии его Величества».

Английский юрист Уильям Джонс, назначенный в 1783 году верховным судьей британской Бенгалии, по роду увлечений – поэт, этнолог, основатель ученого Азиатского общества был не первым, кто пытался найти родственные связи различных языков. Уже средневековый мыслитель Жозеф Скалигер, разбирая теологические трактаты на разных

наречиях, поразился тому, как схоже произношение имени Бога у части удаленных друг от друга европейских народов (theo, deo, dievus и т. д.). При этом часть других народов священное имя произносило по-другому (gott, god), другие посвоему (Бог). Всего удалось выделить четыре таких группы. Поняв, что этот факт не объяснить распространением христианства, так как упомянутое сходство относилось к временам гораздо более древним, Скалигер стал сравнивать и прочие слова, и результаты оказались удивительными. Схожие элементы нашлись не только в латыни, греческом, но и германском, кельтском языках, и даже в едва знакомых монаху-бенедиктинцу славянских наречиях. Позже обнаружилось, что названия числительных галл, латинянин, германец и грек произносили очень похоже, и почти та же картина у славян и литовцев. Правда, первая группа обозначала цифру «сто» словом с буквой «к», а вторая – с буквой «с», оттого основные европейские языки поделили условно на «кентумные» и «сатемные».

В 1767 году некто Джеймс Парсонс опубликовал в Лондоне книгу «Следы Иафета, или исторические изыскания о близости и истоках европейских языков». Автор проделал громадную работу, сравнив сотни слов и словосочетаний в ирландском, валлийском, итальянском, испанском, латинском, древнегреческом, шведском, немецком, датском, польском, русском и других языках. Впервые он добавил к ним языки Индии и Ирана, объявив всю эту группу наследника-

ми библейского Иафета, мигрировавшими из района последнего пристанища Ноева ковчега – Арарата. Увлекшись подгонкой своей схемы под Священное Писание, Парсонс добавил к «яфетическим» венгерский и даже языки индейцев Северной Америки. Тем не менее, его исследование опередило мысль многих ученых, хотя и осталось практически незамеченным.

Что касается Уильяма Джонса, то он одним из первых европейцев, основательно изучив санскрит, пришел к поразительному выводу: «Этот язык демонстрирует такое сходство с (латынью и греческим), которое не могло возникнуть по случайности. Они происходят из одного источника, быть может, более не существующего. Есть… основания предполагать, что готский и кельтский, хотя и смешавшиеся с другим наречием, имеют то же происхождение, что и санскрит» (см. Поляков…).

Открытие Джонса было, хотя и не без борьбы, сравнительно быстро признано наукой. Якоб Гримм, Франц Бопп и другие столпы мировой лингвистики пришли к выводу, что все перечислявшиеся Джонсом языки некогда зародились в одном месте, скорее всего в Центральной Азии или Индии, и их носителями были близкие народы или один прана-род. В 1816 году англичанин Томас Юнг предложил для него термин «индоевропейцы», что вызвало полемику с немецкими учеными, решившими, что именно германцы были самой главной и самой чистой ветвью древних переселенцев,

а посему их всех надо называть «индогерманцами». Впрочем, немцы же Фридрих Шлегель и Макс Мюллер найдя «тезок» легендарным ариям в европейских языках, предложили другое общее слово: «арийцы» или же «индоарийцы». Впрочем, не в именах суть: древний народ-праотец, давший начало «двунадесяти языкам», вошел в анналы мировой науки.

По мере развития индоевропеистики быстро удалось выяснить, что родство отдельных наречий было наибольшим в самых древних областях этих языков. Например, в системе родства обнаруживалось поразительное сходство не только в главных понятиях «мать» и «отец» (названия которых звучат в силу ряда причин близко не только в и.-е. языках), но и в более второстепенных (см. табл.)

Термины родства в и-.е. языках

Рус.	Ирл.	Санскр.	Лит.	Авест.	Лат.	Готск.	Греч.
брат	bráthir	bhratr	brolis	brātar	frāter	brōþar	frator (член фратрии)
сестра	siúr (др.-ирл.)	svásar-,	sesuo	xvaŋhar-,	soror	swistar	eor
деверь	dearthair-i-dil	devar	dieveris	dišs/hewer (курд).	frāter	zeihhur (нем.)	Daer
дочь	duxtir (гэл.).	duhitr	dukte	duydar	tkacer (tox.)	tochter	thugater
уй (дядя по матери)	aue	huhhas (хетт.)	awis (прус.)	hav (арм.)	avus	awo	aia
внук/ племянник (нестера)	necht	napāt	nepuotis	napāt	nepos	nevo (нем.)	anepsios

Мало того, многие ученые полагают, что это сходство было еще глубже – в рамках древнего языка, который они назвали праиндоевропейским (ПИЕ). Оно было и шире: сход-

ство в названиях и возможно, общность происхождения демонстрируют в нынешних арийских наречиях слова для понятий: сын, невестка, свекор, свекровь, стрый (дядя по отцу), шурин, сноха, зять и т. д.

Такие же примеры можно привести и для хозяйственной лексики:

Рус.	Лат.	Греч.	Лит.	Готск.	Валл.	Санскр.	Авест.-перс.
дом	domus	domos	namas	timbr (др.-сев.)	Tam (тох.)	dama	dama
дверь	derë (алб.)	thura	durys	daur	dor	dvar	dvarsm
молоть	molere	mulos	malti	malan	malu	malla	malem (арм.)
мёд	maddu (лув.)	methu	medus	metu (нем.)	medd	madhu	maδu
пиво, оль	alumen	aludoimo	alus	ealu (англ.)			oluton (осет.)
собака	canis	kuon	suo	huns	cū (ирл.)	shake (алб.)	spa/sag
овца	ovis	ois	avis	awēþi	ewig	avika	□awi (хетт.)
гусь	anser	khun		gansus	gé (ирл.)	ha□sa	gāz

Общие черты очень долгое время сохранял именослов и.-е. народов. Не говоря уже о антропонимике соприкасавшихся между собой этносов, где помимо очевидных взаимных заимствований, есть масса примеров «корневой» близости, даже у заброшенных судьбой на далекие расстояния народов в историческую эпоху встречались удивительно созвучные имена. Царевна парфян Родогунда была практически тезкой королеве франков Фредегонде, царь скифов-саков Гондофар имел имя почти такое же, как король Бургундии Гундохар. Классическому армянскому имени Армен и латинскому на-

званию страны Arminia соответствует германский антропоним Арминий (например, вождь племени херусков). Шведскому Горан – южнославянское Горан и корнийское Горон. Армянскому же Смбат – др. – прусское Самбот.

Разумеется, сходство может быть обманчиво. Так, индийское Арвинд и лит. Арвидас весьма созвучны, но первое означает «лотос», а второе образовано сочетанием основы ар-, о которой мы еще поговорим, и «видеть».

Тем не менее, в большинстве это сходство не случайно. Так, филолог А.Фик писал о наличии среди сохранившихся древних антропонимов «групп имен индоевропейского праязыка». Другие отмечают общие смысловые основы, особенно хорошо заметные в славянских, балтийских, германских и кельтских именах:

Слав.	Балт.	Герм.	Кельт.	Основа
Милюта	Milûtis	Milizzo	Milacius	«милый»
Boja	Bājus	Boio	Boius	«бой», «сражение»
Владимир	Valdžius	Waldomar	Gwladus	«владеть»
Гость, Гостена	Gastuno, Gostautas	Gasto	(скиф.) Gasteis	«гость»

Другие ученые отмечают общность и самого процесса образования имени, в том числе сложного. «Следует обратить внимание на давно отмеченный факт, что во всех индоевропейских языках образование двусоставных антропонимов происходит схожим, нередко даже полностью идентичным образом… При анализе двусоставных индоевропейских антропонимов, прежде всего, бросается в глаза сходство отра-

женных в них тем: борьба и война, народ и войско, ум, справедливость, власть и т. д. – отмечает литовский ученый С. Валянтас[1].

Его соотечественник Ю. Юркенас полагает, что все эти антропонимические системы по смыслу делятся на одни и те же общие категории:

а) воля, надежда, желание;

б) религия, мифология, символика;

в) животные;

г) род, благородие, богатство;

д) человек как живое существо (качества от «хороший и «смелый» до «старательный» и т. д.;

е) человек как живое существо («борьба», «защита», «власть», «слава»).

Эти категории могли у разных и.-е. народов звучать поразному. Так, литовское имя Kantas, слав. Trpimir, греч. Tlesimenes, инд. Ksamä не похожи, но восходят к одному и тому же смысловому ряду «страдание, терпение» (Юрк., 69). Двусоставные лит. Visvaldas и рус. Всеволод похожи и по звучанию и по смыслу, но при этом совершенно несозвучное им греч. Панкратиос является их «синонимом» («все» + «владеть»).

Однако наиболее древние основы и.-е. имен все-таки сохраняли не только смысловую, но и звуковую близость. Поэтому так созвучны и произведенные от них имена. Напри-

[1] Балто-славянские… Т. XVI, с. 202–203.

мер, инд. Raghurama, лит. Ramelis герм. Rammi-linc, кельт. Ramilus (от rama – «спокойствие»). Герм. Maro, кельт. Мага, фрак. Maris, малоазийск. Mareis (от mar – «большой», «великий»). Др. – прус. Gaylenne, герм. Gailanus, кельт. Gailonius, илл. Gailonius, слав. Zelodrag (от «сильно», «страсть» или «жалеть»).

Анализируя эти факты, филолог Т. Милевский пришел к выводу, что «сходства антропонимических систем большинства и.-е. языков так велики, что мы должны признать их общее происхождение» (Юрк. с. 36–37).

Ученые не удовольствовались сравнениями. Для упомянутых наиболее древних областей языков (системы родства, исчисления и т. д.) довольно быстро появились и реконструкции общих праиндоевропейских терминов (см. табл.).

Реконструкции числительных праиндоевропейского языка

один	*Hoi-no	*Hoi-wo-	*Hoi-ko-	*Oikos
два	*d(u)wo-	*duohO	*dwoh	*two
три	*trei-	*trejes	*tri-	*triha
четыре	*k*etwores	*k*etudr	*k*etur	*k*etesres
пять	*penk *e		*k*enk *e	
шесть	*s(w)eks	*(s)ueks	*weks	*(k)s(w)eks
семь	*septm			
восемь	*okto,	*hokton	*oktou	*hekto
девять	*(h)newn	*(h)neun	*(h)newnm	
десять	*dekm(t)	*dekmt	*t'ekmt	
двадцать	*wikmt	*widkomt	*duidkmti	*wikmtih
тридцать	*tnkomt,	*trihzdkomth'	*tridkomt	*trikomt
тысяча	*gheslo	*g'eslo	*tusdkomti	*tusnts

По Д. Адамсу, Дж. Мэллори, А. Мейе, Р. Беексу, А. Эрхар-

ту и т. д.

Соответственно, для хозяйственной ПИЕ лексики: корова (*geou), свинья (*süs), овца коза (*diks), лошадь (*hiekwos), собака (*k(u)won), мясо (*me(m)s), соль (*seh$_a$-(e)l-), молоко (*h$_a$melg-), мёд и напиток из него (*med^{h}u), яблоки (*h$_a$ebōl) и др. общие термины (в частности, для сельскохозяйственных культу: пшеницы, ячменя, ржи, гороха).

Языковые исследования были довольно быстро дополнены историко-культурными: выяснилось, что не только словарный запас, но и верования и обряды «арийцев» были схожими. Собственно, это видно, что называется, невооруженным глазом по древним источникам. Один верховный «рогатый» бог (Сабазий, прообраз Диониса) был у фракийцев и фригийцев. Греки полагали, что скифы почитают их же богов, только под другими именами (Гестия – Табити, Зевс – Папей, Аполлон – Гойтосир, Афродита – Аргимпаса и т. д.). Тавры приносили жертвы богине Деве, которую они сами считали легендарной гречанкой Ифигенией.

Мало того. Ученые, на основании анализа многочисленных памятников архаического искусства и мифологических текстов предположили существование изначальных, общих для всех и.-е. народов типов богов, как (по А.Н.Фанталову): «Бог Грома» (индийский Индра, скандинавский Тор, кельтский Таранис, славянский Перун, балтский Перкунас); «Бог Ясного Неба» (греческий Зевс, скандинавский Тор, индий-

ский Дьяус, балтский Диевас, славянский Дий); «Великая Богиня» (греческая Гера, индийская Приттхиви, скандинавская Ерд, славянская Макошь, балтская Земес Мате, ирландская Дану); «Божественные Близнецы» (греческие Диоскуры, индийские Ашвины, балтские сыновья Диеваса); «Бог Земных Сил» (греческий Дионис, индийский Рудра, скандинавский Фрейр, славянский Велес, балтский Веле, кельтский Цернунн); «Культурный Герой» (греческие Гермес и Геракл, скандинавский Один, славянский Геровит, ирландский Луг).

Впрочем, имена и функции многих и.-е. божеств до того схожи, что для выявления их родства не нужно никаких преданий. «Грозовой дракон» Аждахак армян, Ажи-Да-хака «Авесты», Эхидна греков, так или иначе связаны с демонической силой. Прусский Пус(к)айтс, древнеиндийский Пусан, греческий Пан – с землей и лесом. Шива – у индусов и Сива (Сив) у вандалов и скандинавов с плодородием. Балтийский Мокас и славянская Макошь связаны не только с плодородием, но и с водой, что объединяет их с инд. – будд. понятием Мокша (букв, «истечение»). Славянский Даждьбог и кельтский Дагда олицетворяли благо, совершенство. И т. д. (см. табл.)

Теонимы и сакральные понятия у и.-е. народов

Гром, громовержец

Перкунас громо-жец (лит.)	Перун громо-жец (слав.)	Таранис-громо-жец (кельт.)	Пиракнон* (греч.)	Fjorgyn (мать Тора Громо-жца) (сканд.)	Parjanya — божество-«дождевая туча». (др.-инд)	Пирва** — бог-защитник-изнач. — бог грозы? (хетт).

* имя (сопоставляется с греч. «огненный») одного из циклопов, ковавших громовые стрелы в «Энеиде» – поэме римлянина вергилия, но написанного по мотивам Гомера.

** сюда же, возможно, Peruna (скала), peru т.ж. фрак., (p)arcunia гора (кельт.), лексемы связанные в и.-е. традиции с молнией.

Здоровье, чувства

Карна — божество тревоги? из «Слова о полку Игореве» (слав).	Карна (Carna) — богиня-покровительница главных органов человеческого тела (лат.)	Коронида-мать божества врачевания Асклепия (греч.)	Карна — «чуткий», «ушастый»-герой «Махабхараты» (др.-инд.)

Вода[2]

Дану (ирл.)	Даная, данаиды (греч.)	Дану и данавы	Донбеттыр (осет.)

Сакральные предки

Маны — души умерших предков (лат.)	Mannus (прародитель) (сканд.)	Manus (предок) (др.-инд)	Manus (предок фригий.)

Смерть

Марена (слав.)	Морриган (кельт. богиня, подбиравшая павших воинов)	Марис/Марс (этр.-лат)	Мара-демон дурных снов (сканд.)	Мара («смерть» — демон духовной гибели) (будд.)

Загробный мир

[2] По О.Н.Трубачеву, данный ряд – «противники неба».

Велс (Велняс) Демон – похититель скота у Перкунаса	Велес покровит. скота*	Велханс (этрус.), Вулкан (римс.) — бог подземного мира	Вал — «умирать» (тох. А)	Вельс — предок Беовульфа, Веланд-кузнец	Вала	Балор – бог смерти (кельт.)

* «Скот» тесно связан с понятиями «пастбище, луг», а они, в свою очередь, в и.-е. являются родственными лексемам, обозначающим «бога мертвых», см. Лушникова…с. 233.

Небо

Dievas	Дий (слав.)	Disa(s) Бог (фрак.)	Theos, Бог	Тадзен (фрак.)	Дьяус* Бог неба	Давос (бог-волк? Фриг.)

* Индийский философ С. Радхакришнан считал, что все индоевропейские и индоиранские народы имели общее божество – чье имя дошло до нас как Дьяус, Зевс и т. д. – восходящее к сакральному понятию deva– «светящийся».

Заря

Аушра, Усиньш-балт. божества зари	Усень (слав.)	Аврора (лат.)	Эос (богиня зари)	Ушас (др.-инд.)

Свет-жизнь

Seewa (лит.) — богиня лета Сива (слав.)*	Zi (фрак. — бог)	Зевс	Saawe — «живой» (тох.В)	Шива	Сиват — богиня дня — солнца (хет.)

* У западных славян, а также у болгар, где, по данным этнографов, языческий культ Сивы плавно перешел в христианский культ св. Василия.

Сила-война

Ярила Яровит (слав.)	Эрил (сын богини диких зверей*) (лат.)	Арес-Арей (бог войны, др.-греч.)	Герой-Ярус (культовый всадник, фрак.)	Ярри (бог войны, хет.)

* То, что он «этимологически и функционально» связан с остальным рядом, указывает, в частности А.Е. Наговицын в книге «Мифология и религия этрусков».

Близнецы

Jumis (латыш.) — «близнец», божество с/х цикла	Imago («культовый образ») (лат.)	Ymir (сканд.)	Jamas, также Yima (авест. сакр. герой « близнец»)	Himma (хет.), «культовое подобие»*

* о сравнениях этой группы см. Бс исс-я, 1984, с. 19.

Как и в случае с «родственной» и хозяйственной лексикой, ученые попытались восстановить ПИЕ теонимы (например, «Бог-отец», который звучал как *Dyeus Phater).*

Наконец, развивая мысль Шлегеля, исследователи обратили внимание на массу созвучий в и.-е. этнонимах. Так, О.Н. Трубачев пишет, что исходя из наличия однокорневых личных имен (Ariantas и др.), названий племен: Arii, Arrae, Sarmatae, древнейшим самоназванием иранцев-скифов и сарматов было *ārya, оговариваясь, что «ариями назывались и называются не только иранцы… что согласуется с вероятным ходом индоевропейской диаспоры в целом» (Труб., с. 136). Действительно, названия прародины

почитателей «Авесты» Арианы Ваеджо, Арианы (Иран), тохарского племени arsi, Эйре (древнее название Ирландии) и т. д.[3] как предполагают, восходят к тому же смысловому ряду, что и др. – инд. ārya («благородный»), др. – ирл. aire «знатный», др. – сев. arjōstēR – «знатнейшие», арм. ari– «мужественный» и длинному ряду имен: лит. Агув, герм. Ariowistus, кельт. Areus, фрак. Ares, лат. Arrius, греч. Ariomandus и т. д. Исходя из этих созвучий, была высказана гипотеза, что и имя у всех ПИЕ было общим: арии.

Зачастую общими оставались и другие этнонимы, представлявшие собой разлетевшиеся на тысячи километров и лет осколки древних племен. Так, например, по Страбону, фракийцы-даки изначально называли себя daoi (что некоторые сопоставляют с фригийским названием волка daos). Но daoi – это и имя союза сако-массагетских племен в Приаралье.

Мифы одних и.-е. народов пронизывают смутные воспоминания о родстве с другими. Почитатели «Авесты» хранили память об общих предках со своими легендарными врагами-туранцами (и те, и другие произошли от Йимы, у которого было три сына – Салм, Тура и Эрадж, поделивших мир на свои царства). В потомках сына Йимы Туры, скорее всего, надо видеть тохаров. Эллинское предание, пересказанное Геродотом, гласило о родстве греков и скифов. Послед-

[3] Словарь древних и. – е этнонимов, составленный В.П. Будановой, насчитывает более 50 названий племен, начинающихся на ар– (от арависков до арупинов).

ние якобы произошли от Скифа – сына Геракла от брака с женгциной-змеей (двое других сыновей – Гелон и Агафирс дали начало другим народам). Сократ (в пересказе Платона) утверждал, что и греки-лакедемоняне, и персы происходят от «Персея, сына Зевса». Племена лидийцев, карийцев и мисийцев хранили память об общих предках – Лиде, Мисе и Каре. Иордан говорит о происхождении гуннов от готов. «Славяне и тевтонцы (германцы. – *А.В.),* как говорили, происходили от двух братьев – Яна и Куса», – записано в «Великой польской хронике».

Суммируя вышеуказанные данные, французский академик Ип. Тэн писал: «Древний арийский народ… показывал в своем языке, религии, литературе и философии общность крови и духа, связывающую все его проявления».

Вначале, поддавшись обаянию текстов «Вед» и «Махабхараты», истоки этой «общности крови и духа» стали искать на их родине. В частности, Луи Жаколио назвал Индию «колыбелью человеческого рода», а Фридрих Гегель писал о том, что распространение и развитие и.-е. народов из одного источника в Азии «есть неопровержимый факт» (Поляков…)

В свою очередь, антропологи принялись утверждать тезис о единстве «первобытной индоевропейской расы». Однако чем дальше заходили ученые в своих поисках, тем более сомнительным им стало казаться первоначальное утверждение о том, что исходной точкой этой расы была Азия. В частности, французский социолог Жорж Лапуж пришел к выводу,

что главную роль в европейской истории сыграла раса *homo europaeus,* представители которой отличались высоким ростом, светлыми волосами и глазами.

В начале XX века соотечественник Лапужа Жозеф Деникер переквалифицировал термин *homo europaeus* в «нордическую расу», характеризовав её как представителей высокорослых людей со светлыми, иногда волнистыми волосами, светлыми глазами, розовой кожей и долихоцефальным черепом. Далее к этим признакам добавили множество других, в частности, показатели лица (длинный прямой выступающий нос, узкий угловатый подбородок, узкие губы и т. д.). Хотя эту позицию приняли далеко не все антропологи (в т. ч. француз де Мортие защищал тезис о том, что «истинным» типом индоевропейца является «круглоголовый» галл). Тем не менее, тезис о европеоидности, или даже северной европеоидности «исконных арийцев» надолго закрепился в науке.

Собственно, еще упомянутый выше Шлегель, изучая древнеиндийские мифы, натолкнулся на напоминание о том, что прародина создателей «Ригведы» находилась где-то вдали от Индостана, скорее всего, на севере. Маститый философ призадумался и задался вопросом, который будет отдаваться эхом во всех последующих поколениях исследователей: если родина находилась в Индии или неподалеку, собственно, зачем из этого «благодатнейшего и плодороднейшего» края им было переселяться в суровые, районы Евро-

пы вплоть до Скандинавии? Археология добавила к этому вопросу другой: почему эти переселенцы демонстрировали гораздо более низкий уровень развития, чем на своей «родине» (раскопки показали, что в древней Индии процветала развитая земледельческая цивилизация)? Правда, непосредственно к северу от Индии располагался высокогорный заснеженный Тибет, а еще дальше суровые пустыни. Миф о «тибетских предках» долгое время блуждал в научной и околонаучной среде, влившись в итоге в закваску национал-социализма. Однако детальное знакомство с историей, этнологией и археологией Тибета и Центральной Азии этот миф опровергало.

Во второй половине XIX века европейские ученые, наконец, обратили внимание на земли, не столь удаленные от собственных кабинетов. Немец Теодор Пеше, исходя из тезиса, что наиболее близким типу «изначального арийца» является тип северного немца, пришел, тем не менее, к выводу, что прародиной этого типа, а заодно и индоевропейского языка была Белоруссия, и может быть, частично Среднерусская возвышенность. То есть территории, не подвергавшиеся в древности нашествию кочевых орд азиатов, и в то же время на которых имелись знакомые всем арийским народам флора и фауна. Другие исследователи посчитали, не мудрствуя лукаво, что колыбель ариев находится примерно в местах их позднейшего естественного расселения. То есть, с учетом того, что индусы и иранцы явно перекочевали на свои

новые родины из Европы, этой колыбелью является Старый Свет от Галлии до Урала (в различных версиях: Германия, Польша, Прибалтика, Центральная Европа, Балканы).

После того как в начале XX века были расшифрованы письменные памятники хеттов в Малой Азии и тохарские надписи в Западном Китае, маятник предположений вновь было качнулся на восток. Но накопленная сумма знаний, особенно археологических, все равно склоняла искателей индоевропейских истоков к Европе. Во всяком случае, материалы раскопок от Рейна и Скандинавии до Верхней Волги показали, что там присутствовали воинственные группы древних народов, оставившие огромное количество схожих памятников, позже названных культурами шнуровой керамики и боевых топоров (сер. III – нач. II тыс. до н. э.). Практически все ученые согласились в том, что это материальный эквивалент и.-е. общности, однако, по мнению большинства общности уже весьма условной, периода полураспада, когда от нее уже откололись предки тохаров, хеттов и др. народов. Прародина же всех этих народов могла находиться в совсем другом месте.

Во второй половине столетия, в основном стараниями американского профессора Марии Гимбутас, в науке утвердилось мнение, что эта прародина располагалась в причерноморских или прикаспийских степях (собственно, эту теорию выдвинул еще в 1869 году Теодор Бенфи). Древние арии бы-

ли кочевниками, воинами (в отличие от миролюбивых жителей старой Европы), именно с помощью изобретенных ими боевых колесниц они могли одерживать победы и покорять земледельческие цивилизации Старого Света. Эта т. н. курганная теория доминирует в науке и сейчас, хотя предостаточно и других версий, как «европейских», так и «азиатских».

Версии локализации прародины индоевропейцев

В своем обстоятельном обзоре таких версий В.А. Сафонов (с. 12–27) насчитывает 25 основных попыток локализации и.-е. прародины, из них 18 в Европе (от Франции на западе до Волги на востоке, Скандинавии на севере и Подунавья на юге), 7 в Азии (от Месопотамии и Индии до Согдианы). Чем дальше, тем эти версии перекрещивались и усложнялись.

Так, в 1984 году филологи В. Иванов и Т. Гамкрелидзе

опубликовали труд «Индоевропейский язык и индоевропейцы», в котором пытались показать, что у ариев была не одна, а две прародины – первая располагалась в районе Армянского нагорья, а вторую этнос обрел после переселения в Юго-Восточную Европу. Такое сложное предположение было выведено в результате анализа связей индоевропейских языков с семитскими, кавказскими, а также вымершими шумерско-аккадскими наречиями. Поскольку связи этим южным направлением не ограничились, а нашлись и на севере, особенно в финно-угорском ареале, пришлось придумывать и «вторую прародину», которой гораздо лучше соответствовали и древнеарийская фауна и флора (которую, впрочем, Гамкрелидзе и Иванов пытались притянуть и к Кавказу). Близкую теорию – только с небольшим смещением и.-е. «горнила» в сторону запада Малой Азии (культура Чатал-Гуюк) – выдвинул кембриджский профессор барон Э.К. Ренфрю.

В.А. Сафонов пошел еще дальше, выделив раннюю и.-е. прародину, существовавшую, по его мнению, в Малой Азии в VII–VI тыс. до н. э., среднюю (культура Винча на Балканах) и позднюю, возникшую после волны миграций в Центральной Европе (культура Лендьел).

Но даже несмотря на всю монументальность таких версий (так, в двухтомнике Иванова и Гамкрелидзе свыше 1200 страниц) они страдают натяжками и перекосами. Это общая проблема: для авторов-лингвистов характерна излишняя за-

цикленность на чисто языковых вопросах, где ввиду сложности общей проблемы не спасает даже выдающийся багаж знаний. Так, О.Н. Трубачев одним взмахом пера исключил из искомой территории Европу севернее Судет и Карпат: «Индоевропейские датировки… практически современны концу очищения Северной Европы ото льда – около 4000 г. до н. э., а это делает просто невозможной северную локализацию прародины. Север стал заселяться только после этой даты и только с юга» (Труб. Этногенез… с. 35–36, также с. 104). Но этот тезис *полностью* противоречит данным археологии – см. далее).

Впрочем, тем же грешат и археологи, предпочитающие выискивать прародину ариев в основном по материальным останкам того, что они считают «индоевропейской культурой». Например, В.А. Сафонов, хотя помимо данных раскопок, в своей книге уделил много внимания и лингвистике, зато практически исключил вопросы антропологии. В результате у него получается серьезное противоречие: то он без возражений приводит старый тезис о том, что ранние и.-е. были белокуры и голубоглазы (Саф. с. 19), то мельком упоминает о том, что носители культуры Лендьел (ранней и.-е. в его версии – *А.В.)* – имели средиземноморский, т. е. совсем другой облик (Саф., с. 111).

Специалисты по мифологии, напротив, решают вопрос в основном через призму «преданий старины глубокой». Каж-

дый копается преимущественно в своей ямке, не видя изысканий соседа. Проблема в научном поиске, увы, давняя и трудноразрешимая. Но «трудно» – не значит «не».

Древняя Европа

Таким образом, подавляющее большинство современных теорий и.-е. прародины обращается все-таки к Европе или, в крайнем случае, к прилегающему к ней району (Малой Азии).

Для ответа на вопрос, откуда пришли предки и.-е.народов, конечно, необходимо знать то, какие этносы населяли места их позднейшего обитания, зафиксированного первыми письменными свидетельствами.

Условия жизни человека и вообще биологических видов в Европе долгое время формировал ледник, к XII тыс. до н. э. охватывавший большую часть Скандинавии, значительную часть Британских островов, а также нынешних морей – Балтийского и Северного.

Его холодное дыхание распространялось на половину остального Старого Света, где – от нынешней Бретани до Прибалтики – выживала только тундровая и лесотундровая растительность, которую топтали мамонты и редкие охотники на этих чудо-зверей.

Антропологически эти охотники восходили к кроманьоидному типу (высокий, массивный, широколицый), встречавшемуся тогда не только почти по всей Европе, но и проникшему к IX тысячелетию до н. э. в Северную Африку (мехтоидная раса) и на соединенные с ней тогда сушей Ка-

нарские острова (гуанчи).

Таяние ледника, в свою очередь, вызвало затопление огромных участков древней суши, продолжавшееся несколько эпох (так, Северное море, по сути, образовалось только в начале VI тыс. до н. э., еще в сер. VI тыс. до н. э. уровень Северной Атлантики был на 10–15 м ниже нынешнего, за последовавшее затем тысячелетие прибавил 4–8 м и т. д. – см. «The quaternary history…», pp. 238–245; Whitle. p. 96). На оставшейся вне этого потопа земле тундровая растительность сменялась березовыми и хвойными лесами, соответственно, другой становилась и фауна. Менялся и род занятий человека – охота (теперь уже на кабана, лося, дикую лошадь) все более дополнялась примитивным рыболовством и собирательством. Развивались ремесла, человек приручил первых животных: северного оленя и собаку. Это был типичный «средний» каменный век – мезолит, представленный схожими культурами: Маглемозе на севере континента, Тарденуаз на юге.

Дальнейшее развитие человеческой популяции в Европе становится все более сложным, о чем свидетельствуют данные не только археo– и антропологии, но лингвистики, а также дошедшие до нас древние письменные источники.

Запад

О древней Европе таких сведений сохранилось очень ма-

ло. Юго-запад континента, согласно античным авторам и современным лингвистам, некогда был населен племенами иберов, эускарийцев и народом, основавшим Тартесское царство на юго-западе Пиренейского полуострова (позже завоевано Финикией и Карфагеном). Тартесский этнос был наследником очень древней цивилизации: греки утверждали, что она имела письменность с 6000-летней историей! Однако памятники этой письменности пока не найдены (известный ныне «тартесский алфавит» – поздний вариант финикийского), и язык собственно Тартесса неизвестен.

Эускарийская группа представляла предков нынешних басков и родственных им аквитанов (занимавших юго-запад и отчасти центр нынешней Франции и ассимилированных кельтами и римлянами в первые века н. э). Их родственные связи неясны. Крупный лингвист-компаративист, племянник Наполеона I Луи Люсьен Бонапарт считал эти наречия ветвью уральской семьи. В XX веке получила популярность теория об их кавказском происхождении. Наконец, недавно ряд исследований показал их предположительную связь с рядом индейских языков Северной Америки.

Что касается иберов, то геродотовская традиция выводит их (где-то около конца II тыс. до н. э.) из Северной Африки. Говорили они, возможно, на языке хамитской или афразийской группы – т. е. являлись относительно близкими родственниками современных берберов. В антропологическом смысле большинство их принадлежало к различным видам

т. н. средиземноморской расы. Значительная часть, в описании французского археолога было «очень маленького роста и часто настолько грацильно, что можно спутать остатки взрослого и ребенка» (Leroi-Gourhan…, p.677, по И. Тэйлору средний рост иберов был 160 см.). Эта характеристика очень напоминает гомеровское описание феаков – жителей Схерии (видимо, Балеарских островов), которых Одиссей встретил во время своих странствий на Западе Средиземноморья: очень маленькие и темнокожие.

Значительная часть нынешней Франции до прихода кельтов также принадлежала к иберийской сфере влияния. На юге и в центре страны встречались как иберийские гидронимы, так и баскские топонимы на – сага и – cala (камень, скала). Если судить по пересказу Страбона, еще массилиец Пифей во время своего путешествия около 320 г. до н. э. по западу и северо-западу Европы отмечал в районе нынешней Бретани в основном докельтские и скорее всего, до и,-е. топонимы (Corbilo, Kabaion) (Histoire de la Bretagne, p. 60). Даже в совсем поздние времена походов Цезаря на западе и юго-западе Галлии оставалось еще некельтизированное иберийское население (Martinet, 36–37).

В III тыс. до н. э. или немного раньше, эти «северные» иберийцы с территории нынешней Бретани и ныне затонувших многочисленных островов к западу от нее переселились в нынешние Британию и Ирландию (именно это население оставило массивные каменные могильники Ньюгрендж,

Тинкинсвуд, Кейрн Холи и т. д. в Ирландии, Уэльсе и т. д. вплоть Оркнейских островов). Даже спустя целый ряд эпох и переселений народов Цезарь отмечал, что часть населения Британии «смуглые и похожи на иберов».

Страбон, пересказывая более ранние сведения, указывает, что иберами являлись и древние обитатели Сицилии, говорившие на так называемом сиканском языке, согласно Сенеке, они же занимали и часть Корсики, а по данным топонимики, проникали и в северо-западную Италию (Taylor…, p. 224). Таким образом, иберийское влияние было очень широким и не случайно, например, выдающийся энциклопедист Александр фон Гумбольдт полагал, что иберийский язык фактически господствовал в большей части древней Европы.

Вместе с тем часть Галлии в древности испытывала культурные импульсы и с юго-востока, поскольку тамошние столбы – менгиры конца каменного века сильно напоминают аналогичные апеннинские (Albenque, p. 18–19). Это было уже влияние лигуров (включая салиев и родственные им племена), населявших нынешние северо-запад Италии и часть Корсики – также не и.-е. этноса, антропологически – круглоголовых темноволосых «альпийцев» небольшого (менее 160 см.) роста (Taylor…, p. 224). Его предположительные корни – культура Лагоцца III тыс. до н. э.

Основную часть Апеннин и примыкающих островов до прихода италийцев также занимали неиндоевропейские племена. Остров Сардинию населяли давшие ей имя сарды –

строители циклопических крепостей и башен-нурагов – согласно античному автору Павзанию, этот народ был африканского происхождения. Последняя версия тем более вероятна, что, по мнению геологов, еще в неолите между современным Тунисом, Сицилией и Сардинией существовал сухопутный мост, по которому южные племена без хлопот могли передвигаться в Европу.

Среди остальных племен региона – «аборигены», имя которых стало нарицательным для все исконного населения, а также, по данным некоторых греческих авторов, пеласги – родичи древних балканских племен. Это тем более возможно, что трехцветная расписная керамика Южной Италии (ранняя стадия культуры Диана, нач. III тыс. до н. э.) своим меандрово-спиралевидным орнаментом заметно напоминает балканскую.

С VIII века в северной части полуострова усиливается союз этрусков (самоназвание – расена, или труски, туски – отсюда название нынешней итальянской провинции Тоскана). Одни считают их также исконными обитателями Апеннин, другие – пришельцами из Малой Азии, конкретно из Трои. Культурное влияние малоазиатского региона на этрусков несомненно, вместе с тем анализ более чем ста известных ныне этрусских слов показывает, что свыше 70 % его лексики представляет неизвестный неиндоевропейский язык. Скорее всего, этрусская культура и этнос – результат смешения эмигрантов и автохтонов. Последние были неиндоевро-

пейцами, и не случайно античная традиция считала этрусков родственниками ретов – древнего населения части нынешней Австрии и Восточной Швейцарии.

В высокогорных западных Альпах, в условиях изоляции древнее население, уцелело почти до римского вторжения – еще в IV в. до н. э. там жили племена Daliterni, Clahicli и т. д. в чьих названиях швейцарские историки не находят ничего индоевропейского (Sauter…, p. 150). Вероятно, это были лигурийцы, создавшие местную культуру Melaun, ассимилированную затем кельтами и римлянами. Связь древнего альпийского населения с более южными народами подтверждают антропологи и генетики. Согласно данным ученых университета Больцано, исследовавших найденный в итальянском горном леднике остов охотника, погибшего там в конце IV тыс. до н. э. (прозванного «Этци»), этот кареглазый абориген являлся родственником части современных обитателей Сардинии и побережья Тирренского моря («Газета, ру.» от 29.02.2012).

Юг и Восток

Юг Балкан до греков населяли пеласги, прилегающие острова Эгеиды и юго-восток Малой Азии – лелеги. Остатки пеласгов еще во времена Геродота жили в некоторых областях Эллады и Малой Азии, сам «отец истории» считал их язык «варварским». Происхождение последнего неясно. Встреча-

емые в Греции топонимы с окончаниями на – инф (Коринф, Тиринф), – ссос и ряд других, скорее всего, негреческого и вообще не и.-е. происхождения, находят параллели в древнем «языке земли» Малой Азии[4].

Родственные связи других древних языков Европы – вообще тайна за семью печатями. Некоторые филологи в последнее время делают предположения о кавказских лингвистических связях доиндоевропейского населения южной и отчасти Центральной Европы. Например, названия некоторых тростниковых озер на юге Балкан с основой на 1аг сопоставляются с картвельскими топо– и гидронимами – см. Античная балканистика… С. 10).

Что касается Восточной Европы, то считается, что к абхазско-адыгскому форманту – т, – та, возможно, восходят некоторые гидронимы Карпато-Дунайского бассейна: Олт (Алюта), Прут, Серет (ср. Псат, Фат на Кавказе). Формант с теми же корнями – пс («вода») видится в названиях рек Псел, Псура. В свою очередь, некоторые места в Крыму имеют определенные созвучия в топо– и этнонимии Кавказа (Коракс, Керкентида – керквты) – (Кобычев С.) Предположения эти весьма шаткие, основанные на единичных еле заметных лингвистических параллелях.

Зачастую эти современные теории повторяют популярные

---

[4] Однако ряд исследователей предполагает, что до эллинов-ахейцев на юг Балкан уже попала какая-то и.-е. волна (предположительно, это были карийцы, вытесненные потом греками в Малую Азию).

среди славянских и немецких книжников XVI–XVII вв. рассуждения о кавказской прародине славян, основывавшиеся, например, на созвучиях «лехи», «чехи»-»зихи» (адыгское племя), «чохи» (племя дагестанское) или «Москва»-»мосхи» (народ, племя в Закавказье). Владимир Сафонов, впрочем, пытается подкрепить кавказские связи некоторых регионов Европы (Северных Балкан) с помощью археологии и палеолингвистики. Дескать, именно ранненеолитические культуры Румынии обнаруживают ту высокую степень развитости хозяйства, которая зафиксирована в реконструируемом прасеверокавказском языке (якобы существовавшем где-то в первой половине V тыс. до н. э. и позже распавшемся на предков многочисленных нынешних наречий – от абхазо-адыгских до дагестанских). Причем, по Сафонову, эмиграция шла не с Кавказа на Балканы, а наоборот – то есть районы от Кубани до Каспия населили семь-шесть тысячелетий назад выходцы с берегов Дуная. Другие, впрочем, протягивают топонимическую ниточку от Балкан не к Кавказу, а к Пиренеям (например, названия реки Ибар в Сербии и Эбро в Испании и там же племя иберов).

Определенное подтверждение связей Европы с Кавказом – результаты палеогенетических исследований (Газета.ру, новости науки от 01.11.2011), согласно которым около V тыс. до н. э. значительную часть Европы (от Пиренеев на западе) занимали носители гаплогруппы G2a «мужской» Y-хромосомы. Ныне эта группа в Старом свете весьма редка

(что доказывает смену населения), зато достаточно распространена на Кавказе.

Для подтверждения или опровержения восточных связей древней Европы можно было бы привлечь письменность. Так, в 1960 году в румынском местечке Тартария были найдены глиняные таблички с загадочными надписями, которые самые осторожные исследователи датируют началом III, а большинство – концом V тысячелетия до н. э. Если последняя точка зрения верна, то это самый древний из известных ныне письменных памятников. Прорисовки его некоторых букв очень похожи на буквы линейного письма А, которым пользовались в конце III – начале II тысячелетия до н. э. на Крите (и также пока не расшифрованного). Вероятно, юг и север Балкан и сопредельные регионы долго находились в одной этнокультурной и языковой зоне.

Северная Ойкумена

Древности севера Старого света археологи изучили хуже, чем памятники Греции или Апеннин. Однако уже исследователи XIX века имели в своем распоряжении достаточно материала чтобы утверждать, что люди поселились в той же Скандинавии много тысячелетий назад – сразу после таяния ледника.

Собственно, тезис о том, что крупнейший полуостров Европы изначально после таяния ледников был заселен индо-

европейцами, выдвинул еще в 1880-е годы родоначальник шведской археологии Оскар Монтелиус. Но он считал этих и.-е. пришельцами с юга: одна из работ Монтелиуса так и называлась: «О вторжении наших предков на север»[5]. Однако, как ученые XX века ни старались, им не удалось найти следов массовых переселений людей с южного берега Балтики на северный. Распространение до Скандинавии мегалитических памятников, шедшее из Средиземноморья вдоль западной Атлантики и Северного моря, а также некоторых культур, вроде воронковидных кубков говорит скорее о культурных контактах, чем об этнических миграциях. Исследования древнейших из найденных в Скандинавии останков людей показали, что в основном здесь доминировала восходящая к еще к палеоевропейскому кроманьонскому типу длинноголовая северная или ее разновидность – фальская раса. Лишь на примыкающих с юга островах Готланде, Эланде и др. ощущалась примесь инородного населения (и то в основном это был круглоголовый тип Борнби – такой же древний в этих краях, хотя и несколько более темно пигментированный). Найденные даже на крайнем севере, близ норвежского Варангерфьорда черепа I тысячелетия до н. э. – самые древние из тамошних находок – относятся к длинноголовому «нордическому» типу (Varanger…, p. 28).

Более того, как писал Ингвар Андерссон в «Истории Шве-

[5] Как считал Монтелиус, еще в конце каменного века из потомков этих пришельцев в Скандинавии сформировались предки германцев.

ции»: «По-видимому, на севере и северо-западе Скандинавии человек жил в течение всего ледникового периода. Возможно, эти области были свободны ото льда даже в самые холодные периоды и жившие здесь племена «зимовали» по краям великого ледника, находившегося внутри страны, подобно эскимосам, живущим на берегах Гренландии. В таком случае, возможно, что заселение шведской земли, освобождавшейся ото льда, совершалось и с севера, и с северо-запада».

Потом эти предположения были косвенно подтверждены в ходе реконструкции раннего индоевропейского языка, предпринятой филологом Н.Д. Андреевым. В этом языке, который Андреев назвал «бореальным», содержатся, например, следующие слова: лед, снег, северный холодный ветер, зима, замерзнуть, светлая ночь, северное сияние – все эти явления можно отнести только к крайнему северу Европы. Немало подтверждений дали археологи, выделившие на севере две позднепалеолитические (или по некоторым трактовкам – мезолитические) культуры – Комса и Фосна. Носители этих культур занимались почти исключительно рыболовством и охотой на морского зверя. Останки их стоянок разбросаны практически вдоль всего побережья Норвегии, включая ее заполярные районы и доходят на востоке до российского полуострова Рыбачий. Самые ранние известные памятники этих культур относятся к рубежу IX–VIII тысячелетий до н. э., когда большую часть Скандинавии действи-

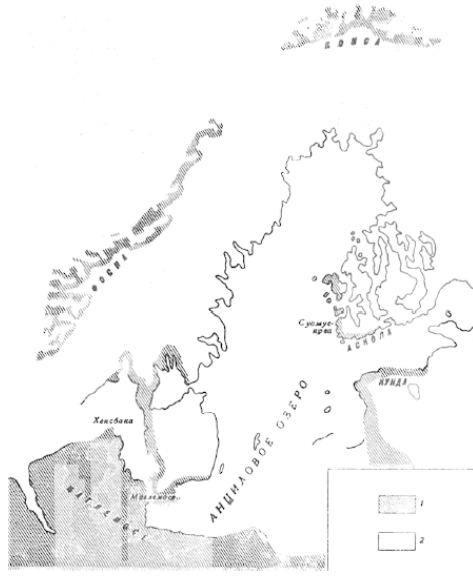
тельно занимала огромная масса замерзшей воды. К тому же IX тысячелетию до н. э. относятся первые стоянки мезолитической культуры Аскола (некоторые исследователи считают ее разновидностью Комсы, только в отличие от последней все ее артефакты, подчас тонко ретушированные, сделаны исключительно из кварца), а затем Суомусярви в Финляндии и Карелии.

Эти древние рыболовы селились в основном вдоль берегов рек и озер внутри материка, так как побережье Балтики того времени (так называемое Иольдиевое море) представляло собой сплошные топи, куда стекала с возвышенностей вода с тающего ледника. Только небольшая часть нынешней Финляндии тогда находилась над водой – Ботнический залив заходил далеко на восток и лишь небольшая перемычка отделяла его от Белого моря, тоже поглощавшего тогда часть Карелии. Швеция начала заселяться чуть позже, видимо сразу после стаивания ледника – первые стоянки культуры Люнгбю в Бохуслене относятся к 7300–6700 гг. до н. э. Последний факт подтверждает предположение Андерссона, что внутренняя часть Скандинавии могла заселяться в первую очередь не с юга, а с побережий Северного и Норвежского морей. О том же пишет Н.И. Турина (Гурина…, с. 132) в отношении Кольского полуострова: первое проникновение людей туда шло с территорий Северной Норвегии и Северной Финляндии.

В свою очередь, исследователи отмечают связь культуры

Комса с более поздней и восточной Суомусярви, а также с мезолитическими культурами Среднегерманской низменности (Гурина, с. 32), что предполагает уже весьма широкую северную «культурную зону».

По-видимому, она сохранялась и в последующее время ввиду преемственности этих культур с более поздними неолитическими (Сперрингс, конец V–IV тыс. – см. Тверской…, с. 191). Например, культуры Карелии с IX до конца III тыс. до н. э. демонстрируют непрерывность развития при отсутствии влияния извне, (см. Археологические исследования…, с. 31), из чего возможно следует и преемственность этническая. Так, петроглифы Карелии и Беломорья сходны, иногда до тождества, с аналогичными рисунками на камне по всей Фенноскандии, включая Норвегию (см. «Археология Карелии», с.146–147). Наконец, сакральные нагромождения камней – т. н. лабиринты – распространены по всему северу Европы в одних и тех же типах (Буров…, с. 53). По мнению авторов сборника «Неолит Северной Евразии», «в мезолитическую эпоху, а затем в неолитическую население Кольского полуострова, Карелии, Финляндии, Северной Норвегии входило в единую этнокультурную область, состоявшую из суммы родственных культур».



Древнее Балтийское море и археологические культуры его окрестностей

Мало того: археологи отмечают, что карельская керамика того времени, а также кремневые и костяные орудия, в свою очередь, во многом схожи с аналогичными артефактами с Верхней Волги, Прибалтики, части Волжско-Камского междуречья и Украины и «все это позволяет говорить осуществовании в 4 тыс. до н. э. огромной историко-культурной общности» (Хотинский… С. 87).

В свою очередь, внимательный анализ показывает, что

именно элементы этих северных культур легли в основу уже бесспорно и.-е. культуры шнуровой керамики. Давший ей имя характерный веревочный штамп, оказывается, часто использовался еще для керамики культуры Сперрингс («Археология Карелии», с. 72). Использование этого же элемента, а также другого характерного для той же культуры отпечатка – гребенки в ямочно-гребенчатой керамики IV–III тыс. до н. э. заставляет вместе с другими аргументами лишний повод усомниться в принадлежности последней (по крайней мере, значительной части) к угро-финскому кругу (см. далее). Гребенчатая, а затем и шнуровая орнаментация использовалась и в южной керамике культуры Средний Стог (памятники IV тыс. до н. э. в лесостепи между Днепром и Доном– см. Кавказ в системе…, с. 135), Интересно, что и на юге, в степях в поздних памятниках ямной культуры появляется тот же шнуровой орнамент, а также боевые топоры! (В.А. Семенов… С. 26).

Таким образом, археология показывает возможность существования на севере и востоке Европы широкой культурной общности, которая могла бы соответствовать ПИЕ прародине.

От Эгеиды к Атлантике

Именно из этого региона в середине V тысячелетия началась мощная экспансия в Центральную и Западную Ев-

ропу культур народов средиземноморской расы. Собственно, как показывают В.А. Сафонов и другие археологи, эти «балканцы», в свою очередь, потомки недавних переселенцев из Малой Азии и прилегающих районов Средиземноморья. Т. е., именно оттуда начался миграционный импульс, распространившийся потом на большую часть Европы. Так, материальные останки культуры городища Чатал-Гуюк в нынешней Турции (керамика и другие предметы быта, изображения на них и т. д.) во многом являются предшественниками аналогичных памятников северобалканской культуры Винча.

Еще в конце VII тыс. до н. э. средиземноморцы продвинулись с юго-востока вплоть до Среднего Подунавья, где создали т. н. старчевско-кришскую культуру (ее типичные черты: небольшие поселения из обмазанных глиной плетеных домов, овцеводство и мотыжное земледелие, посуда с геометрическим орнаментом, нанесенным белой краской). Новая волна мигрантов последовала начиная с второй половины VI тыс. до н. э. и дошла существенно дальше на северо-запад (вплоть до Нижнего Рейна). Это были уже носители новой культуры или группы культур, названных по их т. н. линейно-ленточной керамике (те же геометрические узоры, что и «старчевцы» новые пришельцы не рисовали краской на горшках, а прорезали). У них были длинные дома (ок. 30 м в длину, 6–8 – в ширину) из нескольких секторов, характерные кольцевые канавы. Параллельно, в VI–V тыс. до н. э.,

экспансия средиземноморцев развивалась и вдоль морского побережья: зародившаяся между Ближним Востоком и Балканами общность культур кардиальной керамики, названной так по характерному отпечатку раковин моллюска Cardium edulis продвинулась вдоль Адриатического побережья, а затем – Тирренского моря, и в итоге дошла до востока Пиренейского полуострова.

Как считала М. Гимбутас, в общественном устройстве этих первых «культурных» европейцев царил матриархат и отсутствие социальных противоречий, в религиозной сфере – поклонение быку (символу плодородия). Мигранты поддерживали связи с родными для них районами Северо-восточного Средиземноморья, что видно по раковинам моллюсков и горшкам тыквообразной формы, характерным для Эгейского региона.

Экспансия средиземноморской расы практически совпала по времени с важнейшими климатическими изменениями в Европе. На смену достаточно холодному постледниковому бореальному периоду (VII–VI тыс. до н. э.) пришел теплый атлантический (V – сер. III тыс. до н. э.). На большей части Скандинавии и в Карпатах окончательно исчез ледниковый покров. Хвойные полутаежные и березовые леса в центральной части континента быстро вытеснялись широколиственными. Изменилась и фауна. В эту знакомую природную среду вдоль долин больших рек – Дуная, Эльбы, Рейна – и стали продвигаться балканские колонисты. «Они с легкостью зани-

мали почти пустынный край», – пишет антрополог Раймон Рике (Riquet…, p. 46). Действительно, большая часть Европы была к тому времени очень слабо заселена: можно было пересечь все обширное пространство от Бретани до Урала, не встретив ни души. Охота и рыболовство – основные занятия древних европейцев – слишком привязывали численность человеческой популяции к популяции представителей фауны. Исходя из этого, на протяжении тысячелетий позднего палеолита и мезолита население Старого света практически не вырастало, сохраняя среднюю плотность всего 1 человек на 20–30 кв. км. Достаточно сказать, что на всех Британских островах на территории в 335 тысяч кв. км к началу атлантического периода жило не более 10 тысяч человек (Thomas…, p. 11).

«Балканцы», или как их еще называют, представители культур дунайского неолита, несли с собой в Европу более высокий уровень культуры и экономики. О письменности уже говорилось, но это была лишь небольшая веха в списке их достижений. Уже в начале 5 тысячелетия до н. э. – раньше, чем в Египте и Шумере – в центральных Балканах освоено производство бронзы. Еще раньше здесь освоили массовое изготовление по тем временам совершенной и разнообразной расписной керамики, сделав переход к неолиту. И конечно, главное: практически одновременно с передовыми районами Переднего и Среднего Востока перешли от присваивающей экономики к скотоводству, а затем и к земледе-

лию. Их поселки с большими, до 40 метров длиной деревянными домами, помещениями для скота и концентрическими изгородями постепенно покрыли пространство до верховий Дуная и его главных притоков. Двигаясь с юго-востока со скоростью примерно километр в год, к началу IV тысячелетия до н. э. балканцы – представители культур линейно-ленточной керамики – вышли на северо-западе в район Ла-Манша и низовий Рейна.

Средняя плотность «дунайского» населения была гораздо выше, чем у охотницко-рыболовецких популяций постледниковья: не менее 1 человека на 1 кв. километр (а по оценке Д.Л. Арманд, плотность населения трипольской культуры в начале III тыс. до н. э. достигала даже 30–35 человек на кв. км). Таким образом, Южная и Средняя Европа оказались к IV тысячелетию до н. э. гораздо более заселенными, чем северная часть континента. На севере население, впрочем, тоже стало возрастать с переходом к неолиту, причем иногда этот переход почти не отставал по времени от аналогичного процесса на юге (так, в Карелии самая первая из неолитических культур – Сперрингс – датируется концом V тыс. до н. э., что практически совпадает с появлением культуры Шассей на юге Франции). Хотя в целом до III тыс. до н. э. уровень экономического развития севера и юга Старого света различался сильно.

Антропологическая история континента в бореальный и атлантический период довольно сложна. Население палео-и

мезолитической эпохи в целом относилось к протоевропейскому типу, восходящему к древним кроманьонцам. Это были высокие – до 180 или даже до 185 см люди, с массивным длинноголовым черепом и широким лицом. В материалах некоторых стоянок VI–VII тысячелетий в Восточной Европы (Кунда в Эстонии, Олений остров в Карелии) прослеживается уплощенность лица и некоторые детали глазных орбит, сближающие их обитателей с монголоидами. Часть исследователей полагала, что это свидетельствует о притоке населения с востока, из-за Урала. Однако точные антропологические измерения указанных останков, подобные же находки далеко на западе – в Чехии и на Балканах – позволили ученым сделать вывод о коренном европейском характере таких древних черт (Проблемы антропологии…, с. 25). Со временем, в VI–IV тыс. у европеоидов выработался более сильный рельеф лица, хотя на северо-востоке Европы и западе Сибири древний промежуточный между европейским и монголоидным антропологический тип дал основные признаки так называемой лапоноидной, или уральской расы. Ее идентифицируют с носителями угро-финских языков.

«Балканские», или «дунайские» средиземноморцы вытеснили или ассимилировали немногочисленных представителей древней европейской расы (точнее, рас), заняв территорию нынешних Бельгии, Южной и Средней Германии, Венгрии, Чехии, Словакии (за исключением горных районов) и вплоть до центральной Польши (культуры Винча и Лендьел).

Последняя волна этих «дунайцев» – антропологически грацильных невысоких доликоцефалов – докатилась в первой половине IV тыс. до н. э. до берегов пролива Ла-Манш, до Прованса и части альпийских районов, где они участвовали в создании местных культур Шассей-Кортайо и Лагоцца (Histoire de la Normandie, p. 25, Journ. of I.-e. st…)

В районе нынешнего Эльзаса они столкнулись с упомянутыми выше другими средиземноморцами, шедшими с Балкан.

В некоторых районах Альп и немного к северу от них антропологи и в древности фиксировали наличие еще одной большой расовой группы, потомки которой (большая часть австрийцев, швейцарцев и баварских немцев) и ныне именуются альпийской расой. Это сравнительно невысокие, темноволосые, в отличие от средиземноморцев, круглоголовые люди.

Вместе с тем «кроманьоиды» в V–IV тысячелетиях остались на территориях севера континента, включая самую макушку Скандинавии, и на востоке вплоть до южного побережья Белого моря, мезолитическое население которого «имело ярко выраженный европеоидный тип» (Исследования по древней…, с. 120), на западе занимая частично Британские острова: до 40 % нынешних ирландцев принадлежат к разновидности этой древней расы – Брюнн: высокие, массивные, с почти круглой (мезобрахицефальной) головой и широким лицом. Другой подтип (Борнбю, отличается от Брюнна менее

высоким ростом) встречается в неолите Северной Германии и Дании. Основной же древний расовый вид – резко длинноголовый со среднешироким сильно профилированным лицом и выступающим носом – был распространен от северо-запада Германии до значительной части Восточной Европы (см. Антропологические типы…, с. 87–88). При этом еще в начале V тыс. до н. э. его отдельные волны (мариупольская, или самарская культура) проникли с севера далеко на юг, к Приазовью, а затем (культура Средний Стог) продвинулись еще дальше, вклинившись в области майкопской культуры Прикубанья.

Отметим, что хотя восточная часть Старого Света изучена в археологическом и палеоантропологическом смысле хуже западной, очевидно, что средиземноморская экспансия (в частности, трипольская культура) доходила здесь отдельными волнами почти до центральной Украины, где на поздней стадии ее носители смешивалась с северянами. С представителями уральской расы – лапоноидами, занимавшими Приуралье и часть бассейна Камы, – ассоциируется часть восточных вариантов культур ямочно-гребенчатой керамики. К началу IV тыс. до н. э. носители одной из ее разновидностей (льяловская культура оседлых рыболовов) проникла на юго-запад почти вплоть до Средней Оки.

Смешанным в расовом отношении было население Среднего и Нижнего Поволжья, куда доходили этнические «импульсы» и с северо-запада (Хвалынский могильник), и

из районов преобладания средиземноморской расы (Эпоха бронзы…, с. 71), и с юга, даже далекого (по поводу одного из найденных там черепов антропологи заметили, что по основным признакам его «нельзя не признать негроидным» – Дебетц, с. 85).

Средиземноморское господство в древней Европе было недолгим. Уже с конца IV тыс. до н. э. северяне начинают активно двигаться на юг, вытесняя и ассимилируя наследников культур линейно-ленточной керамики.

Причин такой миграции, по-видимому, было несколько. Жан Деруэль связывает ее с чередой кратковременных, но сильных похолоданий (Rootmos I, II, III), последовавших в течение в целом теплого атлантического периода, и вызывавших сокращение пастбищ, падение улова рыбы (из-за колебаний уровня воды в реках) и миграции животных – объектов охоты.

Оттоку населения способствовало и уже отмеченное, активное наступление (трансгрессия) морей, как Баренцева, так и Балтийского, причем, по П.М. Долуханову это наступление повторялось в мезо– и неолитический период неоднократно, причем последнее – в 2000 г. до н. э. было столь интенсивным, что вызвало изменение течения Невы и подъем Ладожского озера, с затопляемых берегов которого бежало древнее население (Долуханов…, с. 58).

Еще одним фактором, менявшим природную среду, были геолого-тектонические. Подъем Валдайской возвышенности

около 4500 г. до н. э. привел к одному из самых масштабных разворотов рек в истории: Верхняя Волга, которая до того благополучно несла свои воды на север, в Белое море, устремилась по нынешнему, южному маршруту (Тверской археологический…, с. 179).

По данным финского палеоклиматолога Тимо Ниромы, население нынешней Финляндии уменьшилось после этих природных изменений в три раза. Люди ушли в поисках более благоприятной среды на юг, дав толчок первому из известных «великих переселений народов». Племена, уже освоившие к тому времени лесостепи и частично степи Восточной Европы Причерноморья, также испытали кризис природной среды. «Резкие колебания природных условий в III тысячелетии до н. э. привели к катастрофической смене ландшафта: в низовьях долин крупных рек юга Русской равнины исчезают балочные леса, разнотравные степи сменяются полупустынями. Но именно тогда… рождаются уникальные цивилизации кочевников-номадов» («Родина», 1997, № 3–4, с. 10).

Мы не склонны искать причины великих переселений народов древности лишь в исключительно природных факторах. Резкий упадок производящего хозяйства, наступивший в Скандинавии после 2700 г. до н. э. вполне убедительно объясняется предшествующими столетиями активно развивавшегося подсечного земледелия, когда были выжжены под пашни огромные участки лесов и, в конце концов, из-за от-

сутствия новых участков, а также культуры восстановления плодородных качеств почвы наступил кризис этой формы производства (см. История Европы…, с. 79). Естественно, он вызвал миграцию населения, и это многократно повторялось и позже, как это отражено в «Гута-саге» (где описано, как готы на каждом новом месте обитания размножались до таких пределов, что «не могли более себя прокормить» и снова мигрировали).

Начало миграций с севера Европы (IV тыс. до н. э.), по Ж. Деруэлю

То есть испытавшее кризис население высохших степей двинулось на повозках и лошадях осваивать просторы Азии. В Европе, в частности на Балканах, уже с конца IV тыс.

до н. э. «приток иммигрантов… усиливается, что связано с глобальными изменениями климата, изменениями культурно-хозяйственного типа населения северных регионов. Это движение населения с севера на юг продолжалось в течение всего III тыс. до н. э.» (В.А. Сафонов. Ук. соч., с. 190).

Таким образом, климат повлиял на миграционную активность и.-е. племен дважды. Сначала потепление атлантического периода помогло неолитической революции на севере, сопровождавшейся ростом населения и освоением новых, в основном внутренних территорий той же Фенноскандии и лесной полосы Восточной Европы. Затем наступившее похолодание заставило северян отступать «к полудню» – вслед за лесным зверем и в поисках пастбищ и благоприятных для примитивного земледелия почв. При этом они теснили родственные им племена более южных районов Восточной и Центральной Европы, также вынужденных отступать на юг и юго-восток. Первое действительно великое переселение народов началось.

Так, около 3500 г. до н. э. «нордические» мигранты потеснили или частично смешались с средиземноморцами на нижнем и среднем Рейне, создав здесь неолитическую культуру Roesen (Histoire de l'Alsace p. 18), к 3000 г. потеряли «оригинальные черты» потомки «дунайцев» на берегах Сены (Histoire de la Picardie, p. 45), в начале бронзового века исчезло средиземноморское население в Западных Альпах (Journ. of I.-e., p. 42). Около 3000 г. до н. э. мигранты

из района Балтики появились в Шотландии[6], чуть опередив двигавшихся с юга средиземноморцев (J.R.Glover. The story of…, p. 13). Примерно в то же время приток северян, схожих по антропологическим характеристикам с более ранними сериями находок Прибалтики и Карелии, отмечен на юге Восточной Европы. При этом археологические памятники этих пришельцев (донецкая культура) также близки северному кругу культур боевых топоров (см. Кондукторова…, с. 48 и далее).

Этот процесс не везде был мирным. Культуры Лагоцца и Триполье, согласно Ж.Деруэлю, были «уничтожены» воинственными северянами. В среднем Придунавье поселения линейно-ленточной керамики в том же IV тыс. до н. э. начинают активно укрепляться против грозного врага, но, видимо, неудачно. Волны нордических пришельцев прорываются в Малую Азию и на юг Балкан, где в 2300–2100 г. до н. э. было разрушено множество цветущих городов местных цивилизаций (Drews…, p.18–19).

Этот процесс растянулся на века, а на юге континента – даже на тысячелетия. Населению многих нынешних европейских странах, согласно исследованиям генетиков и антропологов, древние мигранты-средиземноморцы дали не менее половины генов. Больше всего получили греки – свы-

[6] Остатки сухопутного моста времен последнего ледникового периода – существовавшие в Северном море плотные цепочки островов – таким переселениям способствовали. Отметим другое свидетельство переселения с востока на Британские острова – находки шнурованной керамики в Восточной Англии.

ше 85 %, меньше всего – французы (15–30 %, что наглядно демонстрирует, что основной импульс переселения шел с востока (Ntr.ru 08.08.2002, 10:28) Этот импульс, теряя силу на континенте, в конце концов, достиг Британских островов, где иммигранты столкнулись с иберийцами, а также с переселенцами из северной части континента, перенесшими на новую родину керамику с характерным отпечатком шнура.

Флора и фауна: что окружало наших предков

Мифы «Авесты» и «Ригведы» указывают на северную прародину ариев и прямо, и косвенно. Гора Меру под тогдашней Полярной звездой и десятимесячная жестокая зима – это прямые указания. Косвенных также можно найти десятки, но не все из них являются достаточно твердыми. Особенно если речь идет о расшифровке тех или иных сакральных символов – поскольку символика вообще много-вариантна, она дает слишком много места для фантазии.

К числу более конкретных указаний относятся те, которые упоминают природную среду, окружавшую ариев. Помимо долгой зимы, например, Авеста дает некоторые сведения о фауне Арианы Ваеджо. Кроме уже отмечавшихся «бобровых шкур» (одеяния Ардвисуре Анахите), выделим беспрестанное упоминание коней, быков и овец, которых тот или иной герой приносил в жертву этой же «богине». Однако едва ли эти последние животные изначально окружали ариев: из контекста гимнов Ардвисуре заметно, что речь идет о временах боевых колесниц и непрерывных военных походов, т. е. не ранее середины II тысячелетия до н. э., когда арии пересекали просторы евразийских степей. Совмещение в ряде случаев этих животных с деталями священной географии (например, горой Хукарья), явно позднее, дей-

ствительно связанные с этой географией понятия, вероятно, также «биологического» свойства (Хаома, Хварно) не расшифровываются, так как их суть уже неизвестна составителям классической «Авесты». Что же касается времен более ранних, то здесь фаунистическая конкретика почти отсутствует. За исключением, может быть, «рыжеватых змей» Арианы Ваеджо – главной напасти этой легендарной страны, помимо морозов, и птиц и собак в сказании об Ииме. «Змеи» интересны только тем, что не водятся далеко за Полярным кругом, что, впрочем, нисколько не противоречит северному расположению Арианы Ваеджо. Мотивы «ужасных змей», кстати, характерны для русских легенд Беломорья и Прионежья (Теребихин Н.М, с. 31) Не больше ясности в фаунистическую картину прародины ариев привносят «Ригведа» и более поздние предания, записанные на санскрите.

Огромную работу по выявлению растительного и животного мира, окружавшего индоевропейцев, проделали В. Иванов и Т. Гамкрелидзе. Главным своим достижением оба филолога считают обнаружение древних названий животных и растений, «специфичных именно для южной географической области, что исключает Центральную Европу в качестве возможной первоначальной территории обитания индоевропейских племен» (т. II, с. 867). Как уже упоминалось, по мнению обоих авторов, эта первоначальная территория располагалась в восточной части Малой Азии и в Закавказье. Там, дескать, протоиндоевропейцы познакомились с упомя-

нутой флорой и фауной – или, по крайней мере, узнали о них от соседей-семитов[7]. Учитывая, что аргументация Иванова и Гамкрелидзе частично используется другими учеными (например, В.А. Сафоновым) для поддержки их собственных поисков арийской прародины пусть и не в Армении, но «где-то на юге», нельзя не остановиться на этой теме поподробнее.

В частности, Иванов и Гамкрелидзе выстраивают следующий список растений, окружавших древних ариев: осина, ива, ветла, береза, сосна (пихта), дуб, горный дуб, скальный дуб, тисс, граб, бук, ясень, грецкий орех, мох, вереск, роза, яблоня, кизил, вишня, тутовое дерево, виноград. Следует сразу заметить, что утверждение о «специфичности именно для южной географической области» упомянутых растений является весьма относительным. В более теплые времена они могли продвигаться значительно севернее. Альберт Великий в трактате «О растениях» (сер. XIII в.) отмечает тот же виноград (как и инжир, оливки, гранат) среди культур, «в изобилии» выращиваемых в окрестностях Кельна. В отдель-

[7] Семитов Иванов и Гамкрелидзе вообще весьма жалуют, считая, что якобы названия чуть ли не всех жизненно важных атрибутов хозяйства (быка, зерна, меда и т. д.) заимствованы Европой с Юго-Востока. Даже славянское слово «секира» филологи-»юдофилы» пытаются вывести из древнееврейского слова означавшего «топор» или, на худой конец, из шумерско-аккадского sukkuru – дротик (кстати, оружие, по функциям далекое от секиры). Что касается зерна любых дикорастущих культур, то в обиходе обитателей Европы, в том числе и Северной оно появилось еще с мезолита, да и с диким быком знакомство произошло очень давно.

ные фазы атлантического периода, на которые пришлось существование и.-е. общности, в Старом свете было еще теплее, чем во времена ученого немецкого монаха и, например, такие экзотические для нынешней Восточной Европы, деревья, как граб и бук встречались в ней чаще, чем, например, «типичные» клен и ясень[8].

При этом и сейчас ареал многих упомянутых растений на самом деле настолько велик, что вряд ли может являться аргументом в споре об и.е. прародине. Так, дикая разновидность розы – шиповник – встречается на огромной территории от Скандинавии до тропиков. То же самое можно сказать о яблоне, а также о другом распространенном культурном растении, которое, по крайней мере, часть ариев узнала одним из первых – коноплю (индо-иран. капа, из этих языков название растения попало к приволжским угро-финским народам).

Вместе с тем большинство других исследователей довольно скептически относится к перечню «арийских растений» Иванова – Гамкрелидзе. Так, термины «горный дуб», «грецкий орех» на самом деле чужды большинству древних европейских языков, в которых зато есть просто «дуб» и «лесной орех» (Рассоха).

Соответственно, перечень существенно сужается. Один

[8] Данные авторов сборника «Восточноевропейские широколиственные леса: история и современность» (М., 2004). Кстати, как мы уже подчеркивали, граница широколиственных лесов 5 тыс. лет назад была на сотни км севернее нынешней.

из патриархов отечественной истории В.В. Мавродин категорично сводит его всего к одной единице: «Единственное общеевропейское название дерева *береза*» (Происхождение русского…, с. 22). И если быть пунктуальным, наверное, это так и есть:

Слав.	Балтск.	Латин.	Кельт (ирл).	Герм.	Иран	Алб.	Греч.
лес	alga	silva	foraoise	alhs (готс.)		pyll	дасос
ольха	alksnis	alnus	fearnog (ирл), alisa (гэльс.)	alisa (готс.)	alanzan (хетт.)	verr	aliza (др.-мак.)
береза	beržas	birch	beith	birke	berih (курд.)	bhirjas (санскр.)	simyda
сосна	pusynas хвойный лес	pinum (сосна)	péine		Pusinas (фрак.) хвойный лес	pishe	
пихта	egle	abies	ghúis	fihte		bredh	elato
ель	egle	lepidus		fihte			elato (ель, пихта)
дуб	azulis	quercus	dair		sinudra (санск.)	lisi	дрис
клен	klevas	acer, opulus	kelin	klynr			glinos
бук	bukas	fagus	bagacon	buche		ah	oxia, phugos
ясень	uosis	ornus	*osn*	askr (исл.)	hac-i (арм.)	hi	akheiros

орех	veržle	corulus	cnó			arrë	toximadi
липа	liepa		llwyf (кимр.-липа, вяз)			gélkere	asbestis
вяз	guoba	ulmo	elm	wice (англ.)	viz (курд.)	vith, elm	ftelia
лен	linas	linum	llin	lein		lini	linon
яблоко	obuolos	pupillam	avallo (др.-кельт.)			mollë	milo

* По М. Фасмеру, пракельтское.

При этом исключение из правил представляют языки на-

родов, поселившихся вне основного ареала этого дерева и видимо, его «подзабывших». Например, в армянском древнее название березы явно перешло на куда более распространенный в Закавказье тополь (barti).[9]

Спорным является вопрос об и.-е. названии дуба. С одной стороны, из вышеприведенной таблицы следует, что его названия крайне разнообразны. Дж. Мэллори в своей книге приводит лингвистическую карту слова «дуб» в языках Западной Европы и делает тот же вывод. И действительно, что может роднить рус. «дуб», англ. оак, франц. chene, лит azulis?

Однако, не все так просто. Согласно некоторым лингвистам, в пра-и.е. языке дуб назывался DORW, что означало также «твердый», долговечный». Его «родственниками» являются санскритское слово «дерево» – «daru» и название Полярной звезды – dhruva, «постоянная, твердая», лат. durare «длиться» и durus «крепкий», греч. dris «дуб»

---

[9] При этом список и.-е. растений Иванова – Гамкрелидзе действительно нуждается в серьезной проверке. С одной стороны, в нем пропускаются совпадения в названии ряда северных деревьев, например, ольхи (лат. Ainus). С другой – часть растений была далеко не так общеизвестна. Скажем, бук в древности знали италики, греки и германцы, но только от последних и довольно поздно об этом дереве услышали славяне и балты. Этот давно известный «аргумент бука» используется для того, чтобы подчеркнуть расположение славяно-балтского массива восточнее границы произрастания дерева (Нижний Неман – Нижний Дунай). Слова «тисс» славяне (во всяком случае, восточные) также не ведали, поскольку, как отмечал еще В.И. Даль, в их песнях «тисовая кровать переиначена в тесовую, в чем нет смысла».

и drimus «крепкий», гэльс. дуб – dair и daoire – «крепость», слав, «древо» и «древность». «DORW означало больше, чем просто породу дерева – скорее, его качества», – констатирует Айдан Михан в книге «Древо Жизни». Другие историки пишут о названии дуба, как «наиболее характерного для страны ариев дерева» («Родина», 1997, № 5, с. 25).

В числе священных деревьев ясень: у скандинавов он Игдрасиль – Мировое дерево, у островных кельтов – он священные Биле Исниг, Кроеб Дайти, у греков нимфы – Мелии («ясеневые»), порождение крови Урана.

Однако надо обратить внимание на то обстоятельство, что у арийцев название лесов чрезвычайно похоже на название деревьев, видимо, наиболее распространенных вокруг. В частности, у балтов и части германцев (готов) «лес» (alga, aliza) – едва ли не производное от «ольхи» (alksnis, alhs). Кстати, и о славянском «лесе», «ліс̀е», этимология которого до сих пор вызывает споры – взаимосвязь с древним названием ольхи (общая и.е. форма aliso) также вполне вероятна. Греческая «роща» – alsoy, altij – тоже[10]. Т. е. для предков указанных этногрупп «лесом», по всей вероятности, был оль-

[10] Хотя и.-е. название ольхи в греческом, ввиду слабой распространенности данного дерева на юге Балкан, подзабылось и заменилось другим (клифра), похожим на название клена (см. герм, klynr). Кстати, если мы возьмем греческое название уже не рощи, а «леса» – «багос», то оно явно производно уже от и.-е. названия бука (bag). Если так, отмеченные выше смутные следы предков эллинов и пара «даны – данайцы» ведут туда, где в изобилии росли и ольха, и бук. Скорее всего, это юго-западная часть Балтики.

ховник. Между тем, из всех видов ольхи (которые растут на разных местах и континентах вплоть до Гималаев и Латинской Америки) такой сплошной лес образует только Ainus glutinosa, черная ольха, которая растет на влажных болотистых почвах, где никакое другое дерево ужиться не в состоянии (исходя из этой особенности Исидор Севильский даже производил название Ainus от кельтских слов, означающих «при воде»). Соответственно, и сейчас, и в древности росла Ainus glutinosa в изобилии там, где для этого были условия – в болотах и речных низменностях Восточной Европы и Прибалтики.

Похожая ситуация и с березой. За исключением небольших вкраплений в горных районах, она не растет в Южной Европе, а в Анатолии и Закавказье находки этого дерева единичны. Слишком явное созвучие в ее названии у разных народов предполагает, что береза была у них деревом очень распространенным, что сразу исключает южные регионы. Арийцы – предки индусов – видимо хранили ее название в легендах во время своих кочевок, а потом вновь столкнулись с ней на склонах Гималаев. Нельзя не обратить внимание на отсутствие названия березы в большинстве иранских языков (что не удивительно, поскольку в их ареале она почти не присутствует).

В любом случае мы видим в и.-е. языках довольно большое многообразие «пересекающихся» названий деревьев, что означает, по крайней мере, одно: ПИЕ прародина лежа-

ла в лесной зоне. Косвенно это подтверждают и другие свидетельства: «Индоевропейские названия трав (белена, чемерица, марь, дягиль, сныть, папоротник скорее указывают на лес, чем на степь» (В.А. Дыбо). Судя по количеству этих пересечений, это был лес умеренной лесной зоны.

Но вернемся к Иванову и Гамкрелидзе, которые восстанавливают также и животный мир, обитавший на или рядом с и.-е. прародиной. Здесь не только привычные волк, медведь, но и «экзотические» звери: лев, слон, барс, тигр, обезьяна. Эти названия «специфичны именно для южной географической зоны, что исключает Центральную Европу в качестве возможной первоначальной территории обитания индоевропейских племен» (Гамкрелидзе, т. II, с. 867). Отметим сразу, что, как и в случае с «южными» растениями, ареал указанных представителей фауны в древности был шире, что отражено как в рассказах о поединке Геракла с немейским пещерным львом, так и в реалистичных изображениях тигров (правда, саблезубых), оставленных причерноморскими скифами[11]. Но это чисто формальная оговорка: во-первых, все же далеко на север, безусловно, эти звери не забирались. Во-вторых по теории Иванова – Гамкрелидзе, собственно животный ареал мог и не пересекаться точно с ранней и.е. родиной.

[11] Вместе с тем слоны, как и обезьяны и тогда не обитали даже на очерченной Ивановым и Гамкрелидзе «южной территории», и лингвистам приходится притягивать к ней соседние земли, где огромные существа с хоботами и маленькие с хвостом в древности водились.

Названия таких животных, как лев (leo, lion), и некоторых других животных (тигр – tigris) во многих европейских языках явно или с некоторыми искажениями заимствованы из семитских (ср., соответственно, арам, lywn, tygrys). Согласно адептам южной теории, это заимствование произошло в пограничье Малой Азии (якобы и. е– прародине) и нынешних Сирии и Ирака (где якобы обитали семиты, и был специфический животный мир).

Однако здесь возникает несколько серьезных вопросов. Первый – являются ли эти заимствования такими уж повсеместными? Аргумент с семитско-европейским «львом» заставил меня вспомнить историю с моим сокурсником-афганцем. Хороший был парень, только, как говорили девушки, «именем не вышел». В самом деле, много ли благозвучия в имени Замарай?

Как-то услышав подобные охи-ахи, афганец, однако, отвечал, что «это лучшее имя, это значит – лев». Было чему удивиться: кто бы мог подумать, что название царя зверей на афганском (пушту) звучит так диковинно? А между тем это также арийский (восточноиранский язык). При этом у других восточных арийцев льва тоже именуют «неузнаваемо»: shuja – на урду, ser или singh – на хинди, а в форме sinha это слово встречается в древних текстах на санскрите. Причем это все этносы, расположенные ближе иных «родственников» к территории, из которой пытаются вывести арийцев адепты «азиатской теории». Почему же эти народы «переде-

лали» якобы исконное название льва, да еще на разный манер?

Те же вопросы звучат и в отношении имен других «диковинных зверей». По словам востоковеда И.М. Дьяконова: «Термин «слон», если я не ошибаюсь, известен в и.-е. языках только в греческом… готском… и славянском (velblondu) со значением «огромный чудовищный зверь» – не только «слон»[12], но и «верблюд»; вероятно, из списка реальных животных этот термин надо исключить. Термин для «обезьяны», несомненно, относится к заимствованиям, как и термин для «барса»… так что набор животных получается не столь уж экзотичным» (цит. по: Рассоха)

Действительно, известно что обезьяна – давний спутник торговцев, державших ее как талисман или «наживку», привлекавшую покупателя. Поэтому индоевропейцы могли познакомится с этим вертлявым родственником человека благодаря ближневосточным и североафриканским торговцам, установившим контакты с Европой еще в III тысячелетии до н. э.[13]. «Торговое» значение – только уже в смысле товара

[12] Отметим, кстати, что и слово «слон» в славянских языках долгое время не имело никакого отношения к обладателю хобота. Русские вплоть до недавнего времени *слоном* называли любое крупное животное, особенно лося. Точно также и у неиндоевропейских народов, незнакомых до недавнего времени с гигантом животного мира. Например, в тюркских языках название слона yagan происходит от слова yogan, означавшего вообще «большой».

[13] Торговцы были из разных мест, и соответственно, никакого единого названия обезьяны (якобы кор, согласно двум ученым авторам) в Европе не было. Например, как указывает О.Н. Трубачев, латыш, erms «обезьяна» восходит к этрус-

имели в древности тигриные и львиные шкуры, которые активно развозили по свету торговцы, способствовавшие известности этих зверей далеко за пределами его обитания.

Поэтому, скорее всего, правы те ученые, которые считают, что слова экзотических животных, рожденные где-то за пределами прародины ариев, скорее всего, на Ближнем Востоке, и были популяризированы сначала торговцами, а затем книжниками, особенно уже в христианский период. Например, лев, как кстати и барс – популярны в христианской литературе, в том числе как «звери Апокалипсиса» (Откр. Иоанна Богосл. 13, 2). В таком языке как русский «слово «лев»… является заимствованием, пришедшим книжным путем… Экзотичность животного для восточных славян подчеркнута в былине об Илье Муромце эпитетом «заморский» (заморский лев) (БС Исс-я, 1984, с. 71). Не знали русские (во всяком случае, вне книжной среды) тигра и барса: первопроходцы, столкнувшись с этими зверями в Приамурье, называли их просто «лютый», «лютый зверь» – также, как раньше называли на севере рысь, а возможно, и других крупных хищников (там же, с. 66, 70–71).

скому названию этого животного arimos, что обусловлено древними торговыми контактами между «зоной Янтарного пути» и Адриатикой. Откуда оно появилось у этрусков – уже другой вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.